

П.И. Шалфеев

**Святой Григорий Богослов
как учитель веры**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
П11

П11 **П.И. Шалфеев**
Святой Григорий Богослов как учитель веры / П.И. Шалфеев – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 60 с.

ISBN 978-5-518-07331-9

Шалфеев П. И. Св. Григорий Богослов как учитель веры.

Христианское чтение, 1861, I, отд. 2, с. 265–324.

ISBN 978-5-518-07331-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

регу; то необходимость влагаетъ въ него смѣлость, то страхъ связываетъ рѣшимость; не разъ заноситъ онъ ногу свою въ воду и не разъ отступаетъ назадъ; однакоже послѣ всей борьбы нужда побѣждаетъ страхъ» (1). Своею смѣлостію, при разсужденіи о догматахъ, св. Григорій живо напоминаетъ Оригена; только онъ гораздо счастливѣе этого учителя въ своихъ попыткахъ уяснить для себя предметы темные; такъ какъ всегда остается въ надлежащихъ границахъ умозрѣнія (2), и, безъ сомнѣнія, потому, что, по его собственнымъ словамъ, онъ постоянно «имѣлъ руководителемъ Духа и съ Нимъ, какъ искреннимъ участникомъ и собесѣдникомъ, проходилъ настоящій вѣкъ» (3). Смѣлость умозрѣнія высказывается у св. Григорія и въ его языкѣ. Онъ обыкновенно говорить, какъ вдохновенный, сильно, рѣшительно, не боясь за то, что люди злонамѣренные перетолкуютъ его слова въ ущербъ ихъ смыслу. Напримѣръ, чтобы выразить мысль о близости разумной природы къ Богу, онъ не затрудняется сказать, что ангель есть нѣкоторая струя божественнаго свѣта, или что душа человѣческая есть частица божественная, а человѣкъ персть соединенная съ Божествомъ, богъ (4). Съ высоты истиннаго богосло-

(1) Ч. 4, стр. 236; снес. стр. 215, 352 и мн. др.

(2) Vid. Basil. M. ep. 8; August. I. 1. contr. Julian. cap. 5.

(3) Ч. 3, стр. 132—133.

(4) Ч. 3, стр. 275; ч. 1, стр. 263; ч. 3, стр. 276. «Не для того ли Богъ ввелъ насъ въ сію борьбу и брань съ тѣломъ, чтобы мы, будучи частию Божества, не перевозосились....» (ч. 2, стр. 7);—«Кто возметъ въ одинъ день образовать защитника истины, который долженъ... возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе—быть богомъ и творить боговъ» (ч. 1, стр. 62; снес. ч. 4, стр. 230)? «Если низко будешь о себѣ думать; то я напомню тебѣ, что ты Христова тварь, Христова дыханіе, Христова дорогая часть, а потому имѣть небесный и земной, приснопамятное твореніе,—созданный богъ»

ва, котораго изображаетъ Моисеемъ стоящимъ на Синаѣ, св. Григорій своимъ неискреннимъ и злонамѣреннымъ слушателямъ говорить вотъ что: «кто злой и неукротимый звѣрь и вовсе неспособенъ вмѣстить въ себя того, что предлагается въ умозрѣніи и богословіи, тотъ не скрывайся въ лѣсу, съ тѣмъ коварнымъ умысломъ, чтобъ, напавъ нечаянно, подхватить какой нибудь догматъ или какое нибудь слово, и своими хулами растерзать здоровое ученіе; но стань дальше, отступи отъ горы; иначе такой *каменіемъ побіенъ* и сокрушенъ *будетъ* (Евр. 12, 20), *злой зль погибнетъ* (Матѣ. 21, 41), потому что истинныя и твердо основанныя ученія для людей, похожихъ правами на звѣрей, тоже, что камни»....⁽¹⁾.

Съ другой стороны пламенный и необыкновенно даровитый любитель созерцанія, св. Григорій естественно является въ немъ самостоятельнымъ. Во все, что онъ находилъ въ словѣ Божіемъ, въ твореніяхъ отеческихъ и въ произведеніяхъ внѣшней (свѣтской) мудрости, во все это онъ вдумывался глубоко, все это перерабатывалъ своимъ любознательнымъ умомъ и *усвоилъ* до того, что его ученіе, будучи вселенскимъ, есть въ тоже время его собственное ученіе, — будучи плодомъ Духа, въ тоже время есть плодъ и его собственнаго умозрѣнія. Встрѣчающіяся по мѣстамъ положенія языческихъ философовъ, въ особенности Платона, являются у него не отрывочно, а сплоченныя и объединенныя самостоятельную работою его христіански-философской мысли. Главная и существенная особенность его умозрѣнія состоитъ въ томъ,

(ч. 4, стр. 236). «(Христосъ) стезей узкой и трудной приводитъ къ Богу меня—бога изъ земли сотвореннаго, а не рожденнаго, и изъ смертнаго ставшаго безсмертнымъ» (ч. 4, стр. 295). См. и мн. др. мѣста.

(1) Ч. 3, стр. 17—18: енес. ч. 4, стр. 215—216.

что о чемъ бы онъ ни разсуждалъ изъ ученія о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи, у него мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи или сіяніи, какъ образахъ ума и созерцанія, всегда стоитъ на первомъ планѣ и, при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ, почти всегда выводитъ его изъ затрудненія. Это, можно сказать, его уголь зрѣнія на предметы, при которомъ его ученіе получаетъ необыкновенную возвышенность. И при разсматриваніи этого ученія, нельзя не имѣть въ виду такой особенности его; иначе многое въ словахъ св. отца останется непонятымъ, или же и вовсе ускользнетъ отъ вниманія. Такимъ образомъ и умозрѣніе св. Григорія проникнуто тою же самою мыслию, какою—и вся его жизнь,—мыслию о созерцаніи ума; Григорій—умъ по своей жизни, умъ и по своему ученію ⁽¹⁾. Между тѣмъ, съ живѣйшею любовію предаваясь возвышеннымъ созерцаніямъ ума, онъ по тому же самому и съ тою же любовію искалъ для нихъ и соотвѣтствующихъ имъ формъ въ словѣ,—высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова. «Я органъ Божій, говоритъ онъ, и въ благозвучныхъ пѣснопѣніяхъ приношу славословіе Царю, предъ которымъ все трепещетъ. Я пою не Трою, не счастливое плаваніе какого нибудь корабля Арго, не свиную голову, не могучаго Иракла, не обширный кругъ земли, какъ онъ опоясанъ морями, не блескъ камней, не пути небесныхъ свѣтилъ. Пою не неистовство страстей, не красоту юношей, въ честь которыхъ бряцала изнѣженная лира древнихъ. Нѣтъ, я воспѣваю царству-

(1) Еще въ X в. Василій, архіепископъ кесарійскій, писалъ императору Константину: «что можетъ быть для тебя пріятнѣе того, чтобы видѣть и слышать Григорія и рѣчи о Григоріѣ—умѣ» (Bandini Fasciculus rerum ecclesiasticarum, 8. Florentiae 1763)?

ющаго горѣ великаго Бога, или же сіяніе пресвѣтлой моей во едино сочетаваемой Троицы. Воспѣваю высокія громогласныя пѣсни ангельскихъ ликовъ, какія они, предстоя Богу, возглашаютъ попеременно. Воспѣваю стройность міра, еще болѣе совершенную, нежели какова настоящая,—стройность, которой я ожидаю, потому что все стремится къ единству. Воспѣваю нетлѣнную славу Христовыхъ страданій, которыми Христосъ обожилъ меня, срастворивъ человѣческій образъ съ небеснымъ. Воспѣваю смѣшеніе, усматриваемое во мнѣ; такъ какъ я не какое нибудь легко объяснимое произведеніе; я—произведеніе, въ которомъ смертный сопряженъ съ небеснымъ. Воспѣваю законъ Божій, данный человѣкамъ, и все дѣла міра, также цѣли и конецъ того и другаго, чтобы ты одно соблюдалъ въ сердцѣ своемъ, а отъ другаго бѣжалъ дальше прочь и трепеталъ грядущаго дня. Для всего этого языкъ мой долженъ быть, какъ гусли» (1). Потому-то св. Григорій выработалъ себѣ свой, оригинальный, возвышенный языкъ, поэтому самому чрезвычайно трудный для перевода; его рѣчь слагается изъ словъ и выраженій отборныхъ, имѣющихъ опредѣленный, обдуманый строй и указывающихъ на заботливость Богослова, чтобы какъ вся рѣчь, такъ и каждое его слово были достойнымъ выраженіемъ высокаго мыслей. Блаженный Иеронимъ въ языкѣ Григорія видѣлъ сходство съ языкомъ знаменитаго софиста Палемона, о которомъ Филостратъ говоритъ, что рѣчь его «отзывается колкостью звучною, какъ олимпійская свирѣль» (2). Это сходство, дѣйствительно существующее, отнюдь не мѣшаетъ ей быть вполне

(1) Ч. 4, стр. 330 — 351.

(2) *Hieron. de vir. illustr.*, n. 117; cfr. *Philostrati de vita Sophistarum*, 1, 25.

оригинальною. Потому-то, далѣе, св. Григорій не имѣлъ обыкновенія говорить слова свои безъ приготовленія; мало того, пиша объ одномъ и томъ же въ другой разъ, онъ, случалось, написанное имъ прежде буквально повторялъ цѣлыми отрывками⁽¹⁾, а не отдѣльными только выраженіями⁽²⁾: въ сочиненіяхъ другаго писателя это было бы слѣдствіемъ слабости его дарованій, а въ твореніяхъ Григорія это служитъ только свидѣтельствомъ, что онъ чрезвычайно былъ разборчивъ въ выборѣ формъ для мысли и заботливо отливалъ ее въ ту только форму, которую находилъ самую лучшую изъ множества другихъ.

Сображая все это, мы легко поймемъ, почему древность упрочила за однимъ Григоріемъ названіе *Богослова*, и почему онъ имѣлъ такое огромное вліяніе на умы современниковъ, о которомъ Руфинъ, самъ находившійся подъ этимъ вліяніемъ, говоритъ слѣдующее: «Григорій, мужъ несравненный во всѣхъ отношеніяхъ, славный словомъ и дѣлами, доставилъ блистательнѣйшій свѣтъ знанія церквамъ Иисуса Христа; онъ показалъ ученіе, равное своей жизни... Ничего нѣтъ честнѣе и свѣтлѣе его жизни, извѣстнѣе его краспорѣчія, чище и правѣе его вѣры, полнѣе и совершеннѣе его знанія, такъ какъ онъ одинъ только таковъ, что о его вѣрѣ не могли, какъ обыкновенно бываетъ, спорить и несогласныя между собою партіи,—и та его заслуга предъ Богомъ и Божиими церквами, что кто ни осмѣлится допустить что-либо, несогласное въ вѣрѣ съ Григоріемъ, тѣмъ самымъ обли-

(1) Снес. ч. 1, стр. 20 и ч. 2, стр. 163; ч. 3, стр. 239 и ч. 2, стр. 165; ч. 3, стр. 238—246, Слово на Богоявленіе, и ч. 4, стр. 134—162, Слово на свягую Пасху.

(2) Особенно любимыхъ выраженій у св. Григорія не мало; съ нѣкоторыми мы встрѣтимся при самомъ изложеніи его ученія.

часть уже себя въ томъ, что онъ самъ еретикъ. Ясный знакъ, что человекъ не держится правой вѣры, если онъ не согласенъ въ вѣрѣ съ Григоріемъ» (1). Но Григорій и самъ сознавалъ, какъ высоко стоялъ онъ въ ряду своихъ современниковъ и какое могущественное вліяніе могъ имѣть своимъ богословіемъ на умы, хотя былъ чуждъ самомнѣнія до того, что, по его собственнымъ словамъ, «я во снѣ никогда не служилъ гордости и не поднималъ высоко бровей» (2). Такое сознаніе особенно высказалось въ его прощальномъ словѣ Константинополю, въ которомъ онъ своими трудами воскресилъ православіе, и съ которымъ разставался, чтобы только, для блага Церкви, утишить волны страстей, устремленныхъ на него лично. «Прости Анастасія, такъ говорилъ онъ въ заключеніе своего слова, прости Анастасія, получившая наименованіе отъ благочестія!.. Прости мѣсто общей побѣды, Силомъ, въ которомъ сначала мы прочно поставили скинію, сорокъ лѣтъ носимую и блуждавшую по пустынѣ! Прости, высокій славный храмъ, новое наслѣдіе, храмъ, получившій настоящее величіе отъ Слова,—храмъ, который прежде былъ Іевусомъ, а чрезъ меня сдѣланъ Іерусалимомъ! Простите и прочіе храмы, близкіе по красотѣ къ Анастасіи,—храмы, подобно узамъ связующіе разныя части города и присвоенные той части, которая съ каждымъ сосѣдственна, — храмы, которые наполнилъ не я, имѣющій столько немощи, но наполнила благодать со мною отчаяннымъ!.. Простите любители рѣчей моихъ, быстро и шумно стекавшіеся отовсюду, и эти трости скорописцевъ, пишущихъ явно и тайно, и эта рѣшетка, едва

(1) Rufini Aquil. Prolog. in libros Gregor. Nazianz. ab ipso translato. Vid. ap. Billium Opp. S. Gregor. t. 1, p. 726 — 727.

(2) Ч. 4, стр. 329.

выдерживавшая напоръ тѣснившихся къ ней слушателей! Простите цари, и царскія палаты, и сановитые слуги царскіе, не знаю, вѣрны ли царю, а Богу большею частію невѣрны! Бейте въ ладоши, вопите громче, поднимайте оратора вашего вверхъ! Умолкъ для васъ злой и говорливый языкъ. Правда, онъ еще не совсѣмъ умолкнетъ и будетъ еще сражаться съ вами рукою и тростию; но въ настоящее время онъ умолкаетъ... Простите, Востокъ и Западъ! За васъ и отъ васъ мы терпимъ нападеніе: свидѣтель тому Тотъ, который примиритъ насъ... Прости (*χῆρὲ μοι*) Троица, мое помышленіе и украшеніе! О, если бы Ты сохранилась у нихъ и сохранила ихъ — этотъ народъ мой (вѣдь онъ — мой, хотя жизнь моя и располагается иначе); о, если бы мнѣ слышать, что Тебя постоянно возносятъ и славятъ у него и словомъ и жизнію! Чада, *сохраните преданія* (1 Тим. 6, 20); помните, какъ побивали меня камнями», (1).

Обратимся теперь къ самому богословію св. Григорія и посмотримъ, во-первыхъ, какъ онъ училъ о Богѣ Самомъ въ Себѣ.—По его ученію, Богъ есть высочайшій, безконечный Умъ или Свѣтъ,—эти слова для него однозначительны. Однакожъ, называя Бога обыкновенно Умомъ или Свѣтомъ, св. отецъ отнюдь не представляетъ Его мыслию или какою-то неопредѣленною разумною дѣятельностію, но разумнымъ бытіемъ, лицомъ. «Богъ, говоритъ онъ, есть свѣтъ высочайшій, неприступный, неизглаголаный, ни умомъ непостигаемый, ни словомъ неизречаемый, просвѣщающій всякую разумную природу, тоже—въ духовномъ мірѣ, что—солнце въ чувственномъ, по мѣ-

(1) Ч. 4, стр. 48—51; свес. ч. 5, стр. 256; т. 4, стр. 329—323, сощъ о храмѣ Анастасіи.

рѣ нашего очищенія представляемый, по мѣрѣ представленія возбуждающій къ Себѣ любовь и по мѣрѣ любви вновь умопредставляемый, только самъ для Себя созерцаемый и постижимый, а на существующее внѣ Его мало изливающійся» (1). Но этотъ высочайшій Умъ, этотъ умопредставляемый Свѣтъ не только единъ, но вмѣстѣ Тріединъ. «Говорю же, продолжаетъ св. отецъ, о Свѣтѣ, созерцаемомъ во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, которыхъ богатство въ соестественности и единомъ исторженіи свѣтлости» (2). «Когда произношу слово: Богъ; вы озаряйтесь единымъ и трійственнымъ свѣтомъ,—трійственнымъ въ отношеніи къ особеннымъ свойствамъ или къ Упостасямъ,—единымъ же въ отношеніи къ понятію сущности и слѣдственно Божества» (3). Такимъ образомъ, учитъ св. отецъ, одинъ высочайшій Свѣтъ является въ трехъ Свѣтахъ; однакожь Троица нераздѣльна, хотя Отецъ, Сынъ и Святой Духъ — не одни имена, а Упостаси. «Неслитность трехъ Упостасей соблюдается въ единомъ ествѣ и достоинствѣ Божества. Сынъ не Отецъ; потому что Отецъ одинъ, но тоже, что Отецъ. Духъ не Сынъ, хотя и отъ Бога, потому что едиnorodный одинъ, но тоже, что Сынъ. И Три едино по Божеству; и Единое— три по личнымъ свойствамъ, такъ что нѣтъ ни единого, въ смыслѣ Савелліевомъ, ни трехъ, въ смыслѣ пынѣшняго лукаваго раздѣленія» (4). «Не успѣю помыслить о Единомъ, какъ озаряюсь—Тремя. Не успѣю раздѣлить Трехъ, какъ возношусь къ Единому» (5). Какія же свой-

(1) Ч. 3, стр. 275.

(2) Тамъ же.

(3) Ч. 3, стр. 261.

(4) Ч. 3, стр. 210.

(5) Ч. 3, стр. 316.

ства служатъ отличіемъ одного Лица отъ другаго? «Личныя свойства, говорить Богословъ, принадлежатъ Имъ исключительно образомъ, именно: Сыну—сыновство, Духу же — исхождение, а не сыновство... Отецъ есть истинно Отецъ и въ смыслѣ гораздо болѣе истинномъ, нежели какъ именуются наши отцы; потому что Онъ Отецъ въ единственномъ смыслѣ, т. е. своеобразно, а не по подобію плотскихъ отцевъ,—Отецъ единственный, т. е. не въ сочетаніи съ кѣмъ—либо,—Отецъ единственнаго Сына, т. е. едиороднаго,—Отецъ исключительно, т. е. не бывшій прежде Сыномъ,—Отецъ всецѣло и всецѣлаго Сына (чего достовѣрно нельзя сказать о нашихъ отцахъ),—Отецъ изначала, т. е. не въ послѣдствіи сдѣлавшійся Отцемъ. Сынъ есть истинно Сынъ; потому что Онъ единственный Сынъ единственнаго Отца, Сынъ въ единственномъ смыслѣ и исключительно, а не вмѣстѣ и Отецъ,—Сынъ всецѣло и всецѣлаго Отца, — Сынъ изначала, а не начавшій когда-либо быть Сыномъ; потому что не вслѣдствіе премѣненія совѣтовъ Его Божество, и не вслѣдствіе преуспѣянія Его обоженіе, такъ чтобы Отецъ не былъ когда-либо Отцемъ и Сынъ—Сыномъ. Духъ Святой есть истинно Святой; потому что никто другой не святъ такъ и въ такой мѣрѣ, и святость Духа не есть что-либо придаточное, но самоисточное...» (1).

При этомъ разумъ естественно можетъ предложить себѣ такіе вопросы: во-первыхъ, какимъ образомъ, не смотря на троичность Божескихъ Лицъ, Богъ одинъ, и наоборотъ,—какимъ образомъ, будучи одинъ, Онъ вмѣстѣ и троиченъ? Во-вторыхъ, почему въ Богѣ именно три Лица, а не одно, не два или не четыре? Наконецъ, по-

(1) Ч. 2, стр. 287, 288; свес. ч. 4, стр. 216—225,

чему догмать о Пресвятой Троицѣ открыть не съ такою ясностію въ ветхомъ, какъ въ ~~новомъ~~ Завѣтѣ?

Имѣя въ виду первый вопросъ, святитель говоритъ: чего ни разсматривалъ я самъ собою въ любознательномъ умѣ своемъ, чѣмъ ни обогащалъ разума, гдѣ ни искалъ подобія для сего, но не нашелъ, къ чему бы дольнему можно было примѣнить Божіе Существо. Если и отыскивается малое какое-то сходство; то гораздо больше ускользаетъ, оставляя меня долу съ тѣмъ, что избрано для сравненія. По примѣру другихъ представлялъ я себѣ родникъ, ключъ и потокъ, и разсуждалъ: не имѣютъ ли сходства съ однимъ Отецъ, съ другимъ Сынъ, съ третьимъ Духъ Святой? Ибо родникъ, ключъ и потокъ нераздѣльны временемъ и сопребываемость ихъ непрерывна, хотя и кажется, что они раздѣлены тремя свойствами. Но убояся, во-первыхъ, чтобы не допустить въ Божествѣ какого-то теченія, никогда не останавливающегося; во-вторыхъ, чтобы такимъ подобіемъ не ввести и численнаго единства, такъ какъ родникъ, ключъ и потокъ въ отношеніи къ числу составляютъ одно, различны же только въ образѣ представленія. Бралъ опять въ разсмотрѣніе солнце, лучъ и свѣтъ. Но и здѣсь—опасеніе, чтобы въ несложномъ Естествѣ не представить какой-либо сложности, примѣчаемой въ солнцѣ и въ томъ, что отъ солнца; во-вторыхъ, чтобы, приписавъ сущность Отцу, не лишить самостоятельности прочія Лица и не содѣлать ихъ силами Божими, которыя въ Отцѣ существуютъ, но не самостоятельны: такъ какъ лучъ и свѣтъ—не солнце, а нѣкоторыя солнечныя изліянія и существенныя качества солнца. Въ-третьихъ, чтобы не приписать Богу и бытія и небытія (къ какому заключенію можетъ привести этотъ примѣръ); а это еще нелѣпѣе сказанна-